

Безгин В.Б.

ПРАВОВЫЕ ОБЫЧАИ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: Цель статьи заключается в изучении роли и места юридических обычаев в повседневной жизни и правоотношениях сельских жителей России эпохи модернизации. Задача исследования состоит в анализе соотношения закона и обычного права в трактовке преступления, мотивов его совершения, характере наказания за совершенное правонарушение. В работе дан анализ специфики правовых обычаев крестьян в области имущественных преступлений. На основе междисциплинарного подхода, используя широкий круг этнографических источников, раскрыто содержание правовых воззрений крестьян и выявлены особенности применения норм обычного права в повседневной жизни российского села. В результате проведенного исследования установлено, что правовые обычаи регулировали общественные отношения сельских жителей и выступали основой для решений волостных судов. Их бытование в сельской обыденности было результатом, как санкции государственной власти, так и особенности крестьянского менталитета.

Review: The aim of the article is to study role and place of legal customs in daily life and legal relationships of Russian villagers during the modernization era. The research includes the analysis of law and common law ratio in treatment of crime, its motives and nature of punishment for an offense. The work contains the analysis of peasants' legal customs specifics in the field of property crimes. The research is made on the basis of interdisciplinary approach using a wide range of ethnographic sources. The author reveals the content of peasants' legal views and the features of common law application in Russian villagers' daily life. As a result of the conducted research it is determined that legal customs regulated villagers' public relations and acted as the basis for rural district courts' solutions. Their existing in the rural daily life was the result of both government sanction and peasants' mentality features.

Ключевые слова: обычное право, российское крестьянство, сельская повседневность, закон, имущественные преступления, волостной суд, правосознание, крестьянская община, правовые обычаи, наказание

Keywords: customary law, Russian peasants, rural everyday life, law, property crimes, volost court, legal conscience, peasant community, legal customs, punishment.

Введение.

В настоящее время происходит постепенный отход от этнокультурных ценностей и потеря национальных корней под действием всеобщей глобализации и унификации права по западным стандартам права. Данная тенденция, к сожалению, не придает желаемой результативности современному российскому законодательству. Повысить эффективность отечественной правовой системы в какой-то степени может возрождение обычного

права, а также возврат к истокам правового наследия, которое поможет определить пути реформирования правовой системы, достичь соблюдения правовых норм гражданами и сформировать правовую культуру русской нации.

Результаты новейших теоретических и прикладных исследований в отечественной этнологии права доказывают, что юридические обычаи как источник права отнюдь не изжили себя, они продолжают действовать на обыденном уровне, играя существенную роль при формировании новой правовой системы.

Внимание к проблемам правового обычая обусловлено поисками новых и восстановлением апробированных форм управления, демократизацией, децентрализацией государственной и общественной жизни. Актуализируется правовой обычай также региональным и местным правотворчеством, ослаблением государственности, действиями федерального законодательства и режима законности, настроениями и ожиданиями сепаратизма. Уместно отметить, что опирающийся на обычай закон должен не умалять, а повышать эффективность своего действия.

Изучение народных правовых обычаев необходимо для более глубокого понимания событий современности. Темы правовых обычаев, правосознания, правовых норм и представлений в современной историографии рассматриваются как одни из самых перспективных сфер исследования. Сегодня для ученых, внимательно изучающих обычное право, достаточно очевидно, что оно представляло собой целостную правовую систему, включавшую право субъективное и объективное, материальное и процессуальное, и имело механизмы внутреннего и внешнего обеспечения.

Обычно-правовая система российского крестьянства выработала опыт организации правомерного поведения членов общества. Система крестьянского самоуправления позволяла сдерживать серьезные социальные противоречия и конфликты. Современная Россия перестала быть крестьянской по демографическому признаку, но осталась ею по духу. Глубоко усвоенные, ушедшие в подсознание традиционные представления о правде, справедливости и пользе стали неотъемлемой частью правосознания россиян.

Материалы и методы. В теоретико-методологическом аспекте наиболее актуальной является проблема соотношения обычного права и законодательства. отождествление закона и правового обычая ограничивает понимание права суммой изданных государственными органами актов. В 80-х годах XX в. в теоретических исследованиях правовой обычай преимущественно рассматривался как изживающий себя источник права. В настоящее время обычай и связанные с ним явления стали объектом пристального внимания со стороны целого ряда научных направлений (этнология, социология, юриспруденция)¹. Плодотворно развитие такой

научной отрасли как антропология права, которая допускает существование в одном государстве нескольких правовых систем. Такая трактовка с позиций правового плюрализма, позволяет изучать обычное право не как историческое явление, как предправо, но как сосуществующее право. Недостаток прежних подходов заключался в том, что проблемы, связанные с функционированием регуляторов, не санкционируемых государством, оставались вне поля зрения исследователей. Однако историческая практика доказала, что игнорирование обычно-правовых норм и традиционных народных правовых воззрений, неприятие их в качестве неперемного компонента правового развития общества приводят к серьезным несоответствиям юридической действительности и законодательства, понижению уровня правовой культуры и даже деградации общества.

Исследование основано на междисциплинарном подходе, включающем в себя методы юридической антропологии и социальной истории. Впервые правовые обычаи крестьян выступают объектом изучения в контексте обыденного сознания сельского социума периода модернизационных перемен. Анализ обыденного сознания крестьян осуществлен посредством отражения его содержания в сельской повседневности. В данном случае задачей исследования повседневности выступила попытка истолкования бытового поведения, исходя из норм и ценностей изучаемой культуры, понимание смысла мира, привычного для человека той или иной эпохи².

Степень изученности темы. Современные исследователи, активно разрабатывая проблематику обычного права, акцентируют внимание на актуальности и прагматической направленности своих работ. Так, А. Г. Алборова в своем диссертационном исследовании приходит к выводу о том, что «по сравнению с писаным правом, народные обычаи, несмотря на свою консервативность, в действительности оказывались более гибким регулятором общественных отношений, способным учесть множество разносторонних факторов и приспособиться к ним. Эта черта обычного права способствовала достижению социальной справедливости в процессе его применения, в том виде, как это понималась крестьянами»³.

¹ См.: Кочетыгова Н.И. Правовой обычай как источник права России (на примере этнического правового обычая): Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2005; Плеханов А.А. Обычное право как социокультурный фактор общественного развития: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2006; Царегородская Е.В. Научные интерпретации правового обычая и его роль в истории права. СПб.: Астерион, 2006.

² Банникова Е.В. Повседневность как объект исторического исследования // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. № 3(07). URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/bannikova.pdf> (дата обращения 30.08. 2013).

³ Алборова А.Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XX в.: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 14.

Выяснению роли обычного права в волостном судопроизводстве посвящено исследование А. В. Кирилина. Автор справедливо указывает на то, что «обыденное правосознание значительной части наших сограждан содержит массу традиционных элементов, истоки которых берут свое начало в крестьянском менталитете. В качестве примера достаточно привести неприятие института частной собственности, негативное отношение к позитивному праву»⁴.

Обеспечение эффективного эволюционирования российской правовой жизни, по мнению А. С. Коноваловой, детерминируется авторитетом российских государственных правовых институтов за счет реального отражения обычного права в законодательстве и правоприменении, а также определяющим характером личностных отношений в конкретной социальной системе⁵.

Особо следует отметить монографию Т. В. Шатковской⁶. Впервые в историко-правовой науке появилось фундаментальное исследование, основанное на междисциплинарном подходе, в котором дан исчерпывающий анализ роли, значения и потенциала обычного права в российской правовой системе России второй половины XIX – начала XX в. Выяснение принципов и характеристик обычного права приводит автора к выводу об исторически сложившейся взаимосвязи принципов обычного права и основ законодательства о том, что главным условием эффективности обычного права является соответствие его институтов специфике внутренних институциональных связей социума⁷. Анализ дихотомии закона и обычая в правовой жизни российских крестьян дал основание исследователю утверждать, что признание обычного права в качестве основы права не умаляет значения закона как источника права, а лишь возвращает позитивному праву его историческую почву⁸.

Свой вклад в изучение проблемы внесли зарубежные историки, особенно работающие в области крестьяноведения. Следует выделить работу М. Левина «Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи»⁹. В ней автор не только

обстоятельно проанализировал состояние в дореволюционной историографии проблемы обычного права, но и показал значение юридических обычаев крестьян в самых разных сферах жизни русской пореформенной деревни. Взаимодействию правовой идеологии и юридической практики крестьянских судов в начале XX в. посвящена статья Дж. Бербанк. По утверждению автора, деятельность волостных судов способствовала формированию самосознания крестьянства и развитию правовой культуры российской деревни¹⁰. Историк Г. Попкин рассмотрел конкретные случаи из судебной практики волостных судов. Исследователь приводил случаи, когда правосудие основывалось на гражданских законах, тем не менее, он сделал вывод о «триумфе» традиционных местных обычаев в повседневной практике волостных судов и даже судов более высокого уровня¹¹. С позиций антропологического подхода изучает различные формы крестьянского самосуда американский исследователь С. Фрэнк. Самосуд он трактует как акцию крестьянской общины, направленную на пресечение действий, которые угрожали нарушить традиционные социальные отношения или нанести урон хозяйству деревни¹². Из последних работ наших зарубежных коллег следует выделить статью Т. Шанина. В этой обобщающей работе автор выделяет особенности обычного права в русской деревне¹³.

Таким образом, историографический обзор проблемы правовых обычаев русских крестьян дает основание утверждать, что ее изучение не утратило своей актуальности и имеет практическое значение в деле совершенствования правовой системы современной России. Очевидно, что плодотворное изучение правовых обычаев русского села сегодня возможно только на основе междисциплинарного подхода, посредством объединения усилий исследователей различных специальностей.

Результаты. Во многих крестьянских обществах закон предстал как нечто, навязанное извне и определяемое нуждами, интересами, взглядами и ценностями

⁴ Кирилин А.В. Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2005. С. 5.

⁵ Коновалова А.С. Обычное право в российской правовой жизни: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2005. С. 5.

⁶ Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Ростов н/Д., 2009.

⁷ Тоже. С. 28, 30.

⁸ Тоже. С. 31, 34.

⁹ Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. М., 1997. Вып. 2. С. 84-127.

¹⁰ Бербанк Д. Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция: перспективы начала XX века // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: антология. Самара, 2000. С. 243-265.

¹¹ Popkins G. Code versus Custom? Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889-1917. Russian Review, vol. 59, issue 3, July 2000, pp. 408–424.

¹² Frank St.P. Popular Justice, Community, and Culture among Russian Peasantry: 1870-1900. Russian Review, vol. 46, issue 3, 1987, pp. 239-265.

¹³ Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 116-122.

чуждых социальных групп. С другой стороны, жизнь крестьянина протекала в контексте обычая с его собственными специфическими условиями и представлениями. Ввиду этого противоречия всякая попытка объяснить социальное поведение крестьянина просто на основе закона, привнесенного извне, или только исходя из местного обычая, как правило, четко не сформулированного, не проста.

В этом смысле в России 1861–1917 гг. сложилась уникальная ситуация. Закон об освобождении крестьян 1861 г. придал крестьянскому обычаю полный правовой статус. Проблема социальных различий между крестьянскими и некрестьянскими сословиями была разрешена посредством признания и юридической формализации со стороны государства норм обычного права. Крестьянские обычаи и гражданское право для крестьянских общин слились воедино.

Соотношение обычного и официального права занимало важное место в исследованиях того времени, но вплоть до второй половины XIX в. было распространено положение о том, что с начального момента государственного законодательства идет непрерывный процесс увеличения сферы действия официальных норм и, соответственно, уменьшения сферы применения норм обычных. По большому счету, так и происходило: государство активизировало свою законодательскую инициативу, пытаясь регламентировать все существующие сферы. В свою очередь, размеры империи со значительными расстояниями между населенными пунктами, неграмотность большинства населения делали возможным существование обычно-правовых норм, особенно в крестьянской среде. Это во многом и обусловило тот интерес к изучению обычного права в XIX в., когда ученые пытались объяснить «живучесть» обычного права.

Официальное и обычное право имели в своем основании одну задачу – достижение справедливости. Отражая юридические отношения, пословицы и поговорки защищали справедливость. Нравственный характер юридических пословиц проявляется в изречениях: «где правда, там и счастье», «всякая неправда – грех», «вора миновать, доброго погубить». Для официального права с самого возникновения были характерны такие понятия как преступление и наказание, для обычного права – понятие справедливости, которое означало, прежде всего, возмещение причиненного ущерба. Отсюда проистекало стремление не столько наказать правонарушителя, сколько примирить враждующие стороны на основании такого решения, которое устраивало бы всех, и, вместе с тем, было бы справедливым в глазах

людей всего сообщества. Причем зачастую понятие справедливости было близким к пониманию полезности того или иного решения для общины в целом, поэтому довольно сложно говорить о том, что для обычного права всегда был важен каждый конкретный человек.

Как и любая правовая система, область неписаных законов не оставалась неизменной и эволюционировала под влиянием условий общественного развития. В то же время, обычное право отличалось значительной устойчивостью по причине преобладания в его источниках не формально-догматических и естественно-практических факторов, а нравственно-этических и духовно-религиозных явлений крестьянского бытия. Приверженность крестьян нормам обычного права определялась общинным укладом, традициями аграрного труда, самобытностью общественного устройства и сельским менталитетом. В практике народного права воплощалось крестьянское представление о порядке, находившее свое выражение в том, каким образом община, крестьянское хозяйство решали проблемы, связанные с наделами, усадьбой, экономические и социальные конфликты, семейные вопросы.

Особенностью крестьянского правосознания было четкое разделение всех проступков на две категории: «грех» и «преступление». Такого разделения не существовало в уголовном праве Российской империи, однако в повседневной жизни крестьян второй половины XIX – начала XX в. оно играло весьма существенную роль. Именно на основе классификации любого проступка или как «греха», или как «преступления» крестьяне могли применять или не применять наказание к провинившемуся.

Нравственный императив был преобладающим в обычно-правовых воззрениях русского крестьянства. Вполне закономерно, что обыденные понятия, которые выступали для сельских жителей критериями в оценке тех или иных деяний, отличались от их трактовки в формальном праве. Если с точки зрения формального права многое нравственное может быть преступным, и не все, что преступно, должно быть безнравственным, то, с точки зрения жителей деревни, все преступное обязательно безнравственно, а все, что нравственно, не может быть преступным. Это противоречие между правовыми обычаями и писаным правом находило свое выражение в оценке преступлений и определении наказаний за них.

Если цель уголовного закона состояла в том, чтобы покарать, отомстить за содеянное преступление, то деревня в своем обычно-правовом мировоззрении счи-

тала, что главное в том, чтобы преступник раскаялся и исправился. Прощение, которое преступник испрашивал у потерпевшего и сельского схода, всегда выступало смягчающим обстоятельством. Такое поведение крестьян было зримым проявлением христианского милосердия, стремления исполнить слова Спасителя – «не судите, да не судимы будете».

При определении характера наказаний жители русского села исходили из посылки общей греховности мира и того, что преступник уже наказан Богом, попустившим ему этот грех. Греховность поступка определялась объемом вреда, нанесенного потерпевшему, а также степенью его ощутимости для потерпевшего. Крестьянское правосудие учитывало причины, побудившие к совершению преступления, обстоятельства, при которых оно было совершено¹⁴. Особое внимание уделялось репутации преступника и пострадавшего. Как правило, наказание смягчалось, если преступные действия совершены по отношению к порочному члену общины или богатому односельчанину. В случае уплаты штрафа для богатого крестьянина назначали короткий срок, а для бедного – более долгий. Больного, уличенного в воровстве, в селе не наказывали, так как его уже Бог покарал, а только заставляли возместить ущерб потерпевшему. Также смягчали наказание покаявшимся и просившим прощения у схода нарушителям¹⁵.

В отличие от государственной карательной системы, основанной на чувстве страха перед наказанием, общинно-правовые санкции воздействовали на самую значимую для крестьянина ценность – его доброе имя, репутацию. Нарушители обыденного порядка крестьянской жизни вызывали общественное неодобрение и становились предметом всеобщего осуждения. Форма общественного воздействия зависела от характера совершенного деяния и степени реакции сельского сообщества на проступок.

Во второй половине XIX в. в России наибольшая сфера применения наказаний, не связанных с государством, охватывала крестьянское сообщество. Даже в официально установленных волостных судах наказания налагались на основе обычая. Традиционные крестьянские суды при определении наказания руководствовались обычаями, собственным усмотрением и принципом целесообразности¹⁶. Наказание в сельской среде вос-

принималось как самая радикальная мера разрешения конфликта. Обеспечение социального контроля в общине достигалось посредством внутрисемейного регулирования и неформальным контролем над противоправным поведением. Наиболее эффективное предупреждающее воздействие оказывало общественное порицание, отражавшееся в форме пересудов, сплетен, осуждения односельчан, склонных к девиантному поведению.

Репрессивные действия крестьянской общины преследовали и такую цель как утверждение незыблемости решений «мира», в том числе и установленных уголовно-правовых запретов¹⁷. От рецидивистов община избавлялась самыми разнообразными способами, их уродовали, изувечивали, чтобы лишить возможности совершить новые преступления, удаляли из села или истребляли посредством самосуда¹⁸. Исправительный характер наказания применялся в русской деревне при маловажных проступках, из которых нельзя было вывести заключение «о безусловной нравственной испорченности виновного лица, когда виновный не совсем уже отчаянный человек»¹⁹.

Таким образом, в трактовке преступления и ответственности за него положения официального законодательства и нормы обычного права расходились, и весьма значительно. Это являлось следствием сословной замкнутости крестьянского социума, особенностей сельского менталитета, традиций хозяйственного уклада, соблюдения канонов православия, приоритета правовых обычаев над формальным законом.

Обсуждение результатов. Из всего многообразия правоотношений русской деревни, в которых проявлялись различия в содержании государственного закона и сути правового обычая, рассмотрим лишь сферу корыстных преступлений. Положения официального закона и нормы обычного права существенно расходились в трактовке имущественных преступлений. Если закон стоял на страже прав собственника и преследовал любое покушение на чужую собственность, то по обычному праву некоторые кражи вообще не считались

проблем (электронный научный журнал). Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 12(20). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/bezgin.pdf> (дата обращения 30.08. 2013).

¹⁷ Шатковская Т.В. Указ. соч. С. 420.

¹⁸ Bezgin V.B. Lynching in Russian countryside (late XIX-early XX) // Modern Research of Social Problems, No 8(28), 2013. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/820131>. (дата обращения 30.08. 2013).

¹⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 654. Л. 1.

¹⁴ Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7. Этнографическое бюро кн. В.Н. Тенишева. Оп. 2. д. 1708. Л. 9.

¹⁵ Там же. Д. 654. Л. 2.

¹⁶ Безгин В.Б. Волостной суд сельской России (вторая половина XIX – начало XX века) // Современные исследования социальных

преступлением, а в оценке других наблюдался дифференцированный подход. Прощение, которое преступник испрашивал у потерпевшего и сельского схода, всегда выступало смягчающим обстоятельством.

Вопреки трактовке официального закона не всякое воровство признавалось обычным правом русского села как деяние преступное, а, следовательно, и наказуемое. Не воспринималось в русской деревне как преступление воровство плодов, овощей в крестьянских садах и огородах. «Репа да горох сеются для воров» – гласит народная поговорка²⁰. На срывание плодов и хищение овощей сельской молодежью местные жители смотрели как на «шалости», «баловство»²¹. О краже яблок в садах орловские крестьяне говорили: «Кабы люди не крали яблок в чужих садах, может быть, и Бог не зарождал столько плодов»²². Не считалось предосудительным сорвать плоды в чужом саду для собственного потребления или в качестве гостинца детям. Однако, если огород, в котором росли овощи, был огорожен, то рвать там огурцы считалось кражей²³. В селах Ростовского уезда Ярославской губернии за кражу с огородов репы штрафовали: взрослых – рублем, несовершеннолетних – полтинником²⁴.

Следует отметить, что в оценке преступления, а также лица его совершившего, крестьяне делали различия, которые были обусловлены особенностями обычно-правовых воззрений жителей села. Более важными кражами с точки зрения жителей села считались кражи со взломом: украсть хлеб в амбаре, похитить деньги, взломать замок сундука и т.п. Если кражу совершил малолетний, то дело до суда не доводили, а расправлялся сам хозяин, поймавший вора, или его наказывали родители. Про такого вора крестьяне говорили: «Глуп еще, что его судить, а попался, оттащали его хорошенько, чтобы больше не думал воровать. Вот тебе и весь суд»²⁵. И в этой снисходительности к малолетним воришкам проявлялась народная мудрость, позволявшая с одной стороны, наказывать правонарушителя, а с другой стороны, упреждать их от желания повторить их внозь.

²⁰ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». СПб., 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 529.

²¹ Тоже. 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 483; Тоже. 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 191.

²² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 10.

²³ Русские крестьяне. ... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 363.

²⁴ Тоже. 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 394.

²⁵ Тоже. 2009. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 2. С. 619.

Официальное законодательство и нормы обычного права отличались не только в оценке имущественных правонарушений как преступных деяний, но и различались в оценке меры ответственности виновных за совершенное преступление. Кража рассматривалась в русской деревне как личная обида и частное дело потерпевшего. Ключевым фактором при выборе наказания становилась сумма причиненного ущерба²⁶. По нормам обычного права при возмещении потерпевшему убытка и заключении мирового соглашения виновный освобождался от наказания. Волостной суд, по наблюдению юриста К. Ф. Чепурного, смотрел на кражу как на дело частное, а поэтому наказывал за нее довольно легко: незначительным арестом, иногда оставляя совсем без наказания, если стороны помирились²⁷. На основе анализа решений волостных судов исследователь обычного права, юрист А. Кистяковский пришел к выводу о том, что «арест и телесные наказания, которые по Уложению о наказаниях считаются более тяжкими наказаниями, чем штраф, назначаются за воровство гораздо реже, чем за другие преступления. За воровство очень часто волостные суды подвергают только штрафу с взысканием потерь, причиненных воровством»²⁸.

В оценке имущественных преступлений и лиц их совершивших, нормы обычного права в отличие от положений уголовного закона были более справедливы в выяснении обстоятельств произошедшего правонарушения, в большей мере учитывали его субъективную сторону и адекватности наказания тяжести содеянного.

Выводы. «Эпоха Великих реформ» легализовала сферу крестьянских правоотношений, вернув обычному праву статус официально действующих юридических норм. Ряд правовых обычаев жителей русской деревни в сфере имущественных отношений получили легитимную основу. Официальный закон признал институт крестьянского правосудия – волостной суд, дозволив ему руководствоваться обычаем в принятии решений, а община как традиционная форма сельского самоуправления стала субъектом права.

Легализация крестьянских правовых обычаев являлась для власти мерой вынужденной, но объективно

²⁶ Шатковская Т.В. Указ. соч. С. 20-211.

²⁷ Чепурный К.Ф. К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии. Киев, 1874. С. 23.

²⁸ Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке – начале XX века. М., 2003. С. 295-296.

необходимой. Изучаемый период в жизни русского села стал временем активного правотворчества, которое шло в направлении сближения обычая и закона, втягивало крестьян в сферу действия официального законодательства и способствовало росту правовой культуры сельских жителей.

Изучение соотношения закона и обычая в правовой жизни русского села приводит к выводу о том, что правовые обычаи выступали основой для решения гражданско-правовых споров, закон – уголовных преступлений. В крестьянском правосознании не было четкой грани между действиями, караемыми официальным законодательством, и деяниями греховными, осуждаемыми церковью. В оценке преступления жители русского села руководствовались нравственным началом, а не формальными положениями законодательства, которые им, в большинстве своем, и не были известны. Преступление рассматривалось как нанесение личной обиды, а его значимость определялась степенью нанесенного ущерба. Традиционно преступления оценивались на основе принципов «глядя по человеку и хозяйству», «судя по обстоятельствам». «Прозрачность» сельских отношений позволяла установить объективную картину произошедшего, определить степень вины, избрать наказание, адекватное содеянному преступлению. Любое преступное деяние в селе имело общественный резонанс, поэтому и реакция «мира» носила публичный характер.

В основе обыденного сознания жителей деревни лежали принципы уравнительности, примата общественного над личным, приоритетности хозяйственных интересов. Причину преступления крестьяне усматривали в греховной природе человека. Нравственный императив был преобладающим в обычно-правовых воззрениях русского крестьянства. Вполне закономерно, что обыденные понятия, которые выступали для сельских жителей критериями в оценке тех или иных деяний, отличались от их трактовки в формальном праве. Расхождение норм обычного права с официальным законом в оценке преступлений было обусловлено спецификой общественного уклада села.

Библиография:

1. Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7. Этнографическое бюро кн. В.Н. Тенишева. Оп.
2. Алборова А.Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XX в.: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2007. 29 с.
3. Банникова Е.В. Повседневность как объект исторического исследования // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. № 3(07). URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/bannikova.pdf> (дата обращения 30.08. 2013).
4. Безгин В.Б. Волостной суд сельской России (вторая половина XIX – начало XX века) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 12(20). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/bezgin.pdf> (дата обращения 30.08. 2013).
5. Бербанк Д. Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция: перспективы начала XX века // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: антология. Самара: Самар. гос. ун-т, 2000. С. 243-265.
6. Кирилин А.В. Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2005. 24 с.
7. Коновалова А.С. Обычное право в российской правовой жизни: Авто-реф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2005. 23 с.
8. Кочетыгова Н.И. Правовой обычай как источник права России (на примере этнического правового обычая): Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2005. 25 с.
9. Крестьянское правосудие. Обычное право русского крестьянства в XIX веке – начале XX века. М.: «Современные тетради», 2003. 402 с.
10. Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяно-ведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. М., 1997. Вып. 2. С. 84-127.
11. Плеханов А.А. Обычное право как социокультурный фактор общественного развития: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2006. 19 с.
12. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографическо-го бюро князя В.Н. Тенишева». СПб.: «Деловая полиграфия», ООО «Навигатор». 2005-2011. Т. 1-7.

13. Чепурный К.Ф. К вопросу о юридических обычаях: устройство и со-стояние волостной юстиции в Тамбовской губернии. Киев: Универ. тип, 1874. 37 с.
14. Царегородская Е.В. Научные интерпретации правового обычая и его роль в истории права. СПб.: Астерион, 2006. 88 с.
15. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // *Общественные науки и современность*. 2003. № 1. С. 116-122.
16. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Ростов н/Д: АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 576 с.
17. Bezgin V.B. Lynching in Russian countryside (late XIX-early XX) // *Mod-ern Research of Social Problems*, No 8(28), 2013. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/820131>. (дата обращения 30.08. 2013)
18. Frank St.P. Popular Justice, Community, and Culture among Russian Peas-antry: 1870-1900. *Russian Review*, vol. 46, issue 3, 1987, pp. 239-265.
19. Popkins G. Code versus Custom? Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889-1917. *Russian Review*, vol. 59, issue 3, July 2000, pp. 408-424.
6. Kirilin A.V. Krest'yanskoe obychnoe pravo v volostnykh sudakh i gosudarstvennaya politika poreformennoi Rossii: Avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. M., 2005. 24 s.
7. Konovalova A.S. Obychnoe pravo v rossiiskoi pravovoi zhizni: Avto-ref. dis. ... kand. yur. nauk. M., 2005. 23 s.
8. Kochetygova N.I. Pravovoi obychai kak istochnik prava Rossii (na primere etnicheskogo pravovogo obychaya): Avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. M., 2005. 25 s.
9. Krest'yanskoe pravosudie. Obychnoe pravo rossiiskogo krest'yanstva v XIX veke – nachale XX veka. M.: «Sovremennye tetradi», 2003. 402 s.
10. Levin M. Derevenskoe bytie: nrawy, verovaniya, obychai // *Krest'yano-vedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost'*: Ezhegodnik. M., 1997. Vyp. 2. S. 84-127.
11. Plekhanov A.A. Obychnoe pravo kak sotsiokul'turnyi faktor obshchestvennogo razvitiya: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Saransk, 2006. 19 s.
12. Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrawy. Materialy «Etnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva». SPb.: «Delovaya poligrafiya», ООО «Navigator». 2005-2011. T. 1-7.

References (transliteration):

1. Arkhiv Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya (AREM). F. 7. Etnograficheskoe byuro kn. V.N. Tenisheva. Op.
2. Alborova A.G. Obychnoe grazhdanskoe pravo rossiiskikh krest'yan vo vtoroi polovine XX v.: Avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. Nizhnii Nov-gorod, 2007. 29 s.
3. Bannikova E.V. Povsednevnost' kak ob'ekt istoricheskogo issledovaniya // *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*. Krasnoyarsk: Nauchno-innovatsionnyi tsentr, 2011. № 3(07). URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/bannikova.pdf> (data obrashcheniya 30.08. 2013).
4. Bezgin V.B. Volostnoi sud sel'skoi Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) // *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*. Krasnoyarsk: Nauchno-innovatsionnyi tsentr, 2012. № 12(20). URL: <http://sisp.nkras.ru/ru/issues/2012/12/bezgin.pdf> (data obrashcheniya 30.08. 2013).
5. Berbank D. Pravovaya kul'tura, grazhdanstvo i krest'yanskaya yurisprudentsiya: perspektivy nachala KhKh veka // *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istorio-*
13. Chepurnyi K.F. K voprosu o yuridicheskikh obychaiakh: ustroystvo i so-stoyanie volostnoi yustitsii v Tambovskoi gubernii. Kiev: Univer. tip, 1874. 37 s.
14. Tsaregorodskaya E.V. Nauchnye interpretatsii pravovogo obychaya i ego rol' v istorii prava. SPb.: Asterion, 2006. 88 s.
15. Shanin T. Obychnoe pravo v krest'yanskom obshchestve // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2003. № 1. S. 116-122.
16. Shatkovskaya T.V. Obychnoe pravo rossiiskikh krest'yan vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. Rostov n/D: APSN SKNTs VSh YuFU, 2009. 576 s.
17. Bezgin V.B. Lynching in Russian countryside (late XIX-early XX) // *Mod-ern Research of Social Problems*, No 8(28), 2013. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/820131>. (data obrashcheniya 30.08. 2013)
18. Frank St.P. Popular Justice, Community, and Culture among Russian Peas-antry: 1870-1900. *Russian Review*, vol. 46, issue 3, 1987, pp. 239-265.
19. Popkins G. Code versus Custom? Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889-1917. *Russian Review*, vol. 59, issue 3, July 2000, pp. 408-424.